

МАГИЯ ЖИЗНИ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

Шоколад

Земляничный вор

Леденцовые туфельки

Завет Локи

Евангелие от Локи

Джентльмены и игроки

Другой класс

Ежевичное вино

Персики для месье кюре

Остров на краю света

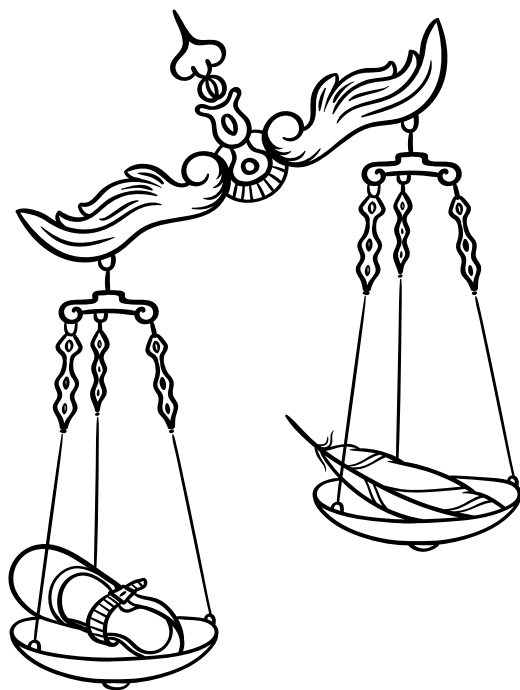
Пять четвертинок апельсина

Чай с птицами

Блаженные

Д Ж О А Н Н Х А Р Р И С

Темный ангел

Москва
2021

УДК821.111-31
ББК84(4Вел)-44
Х21

Joanne Harris
SLEEP, PALE SISTER

Copyright © Joanne Harris 1994

Перевод с английского *Екатерины Костиной*

Разработка художественного оформления
Марины Дорошенко

Иллюстрация на обложке *Марины Мовшиной*

Харрис, Джоанн.

Х21 Темный ангел / Джоанн Харрис ; [перевод с английского Е. Костиной]. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с.

ISBN 978-5-04-122815-6

Художник Генри Честер думал, что его молодая жена невинна и чиста, как дитя, и верил, что она останется такой навсегда. Однако его светлый ангел — всего лишь обычная земная женщина со всеми присущими ей страстями. Чтобы сохранить непорочность Эффи, Генри приходится постоянно держать жену в состоянии полусна при помощи опиума, но неожиданно его старые грехи заявляют о себе самым необычным образом. Генри еще не знает, что немезида уже идет по его следу и немолимо обрушится не только на него самого, но и на всех, кто встретится ей на пути.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Костина Е., перевод
на русский язык, 2021

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-122815-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Снова Кевину

Благодарности

Хочу поблагодарить всех, кто помог разбудить эту спящую книгу. Во-первых, Кристофера, которому она нравилась с самого начала; Серафину, Говарда и Бри; замечательного редактора Франческу и всех моих друзей из «Transworld»; Грэма Овендена за обложку, о которой я всегда мечтала; книготорговцев, которые заботились о том, чтобы мои книги постоянно были на полках; и, наконец, всех поклонников моих предыдущих романов, которые писали, жаловались, настаивали, просили и требовали, чтобы эту книгу допечатали.

Предисловие

Мало кому хочется поднимать мертвых. Особой осторожности заслуживают мертвые книги; на каждый затерянный клад попадает сотня крышечек от молочных бутылок, ждущих, когда их откопает беспечный старатель. Вот почему за последние десять лет я привыкла воспринимать книгу «Темный ангел» («Sleep, Pale Sister») как останки ушедшего времени. Жарким летом 1993 года я дала жизнь дочери и книге. Одна выжила, другая — нет, и, с моей точки зрения, о соперничестве и речи не идет. За одну ночь мой мир изменился. Я стала другой, и внезапно мысль о публикации перестала меня волновать. К 2003 году книгу давно раскупили. Я ни разу не открыла ее после выхода, я о ней почти забыла.

Однако другие помнили. Некоторые ее прочитали, другие были книготорговцами или моими поклонниками, кому-то просто хотелось посмотреть, как автор «Шоколада» бросилась из английской готики во французское чревоугодие. Меня завалили просьбами прислать книгу. Несколько сотен экземпляров моментально разошлись на amazon.com. Моих издателей доносили письмами с просьбой переиздать книгу. Наконец мы решили попробовать. Я слегка отредактировала

исходный текст — вероятно, меньше, чем следовало, но я быстро поняла, что для хирургического вмешательства пациент слишком слаб, — и исправила несколько мелких ошибок. В процессе я, к собственному удивлению, обнаружила, что мне все еще нравится эта история и ее герои. Несмотря ни на что, моя книга не умерла, только заснула. Я рада, что она получила второй шанс.

Вступление

Рукопись из наследия Генри Пола Честера. Январь 1881 года

Я смотрю на свое имя и буквы, следующие за ним, и меня наполняет безбрежная пустота. словно этот Генри Честер, художник, дважды выставившийся в Королевской академии, вовсе не я, а лишь невнятный плод чьего-то воображения, пробка от бутылки с джином, утонченно-злым духом, что пронизывает мое существо и толкает в круговорот опасных приключений, на поиски бледного, испуганного призрака самого себя.

Мой джинн — пилюля хлорала, темная спутница моего сна, некогда ласковая, а ныне жестокая супруга. Однако мы слишком многое пережили вместе, мой джинн и я, чтобы сейчас расстаться. Мы вместе будем писать эту повесть, но как мало осталось у меня времени! Солнце опускается за горизонт, и, кажется мне, я уже слышу, как хлопают крылья черного ангела в самом темном углу комнаты. Она терпелива, но терпение ее не бесконечно.

Бог, самый изощренный мучитель, соблаговолит дать мне чуточку времени, чтобы я дописал историю, которую возьму с собой в холодную подзем-

ную обитель — конечно, не холоднее, чем этот труп, в котором я живу, чем пустыня моей души. О, Он ревнив, этот Бог, столь безжалостны бывают лишь бессмертные. Когда я воззвал к Нему в своей мерзости и страданиях, Он улыбнулся и ответил словами, кои явлены были Моисею из неопалимой купины: «Я есмь Сущий»¹. Я есть тот, кто есть. В Его взгляде нет сострадания, нет нежности. Я не вижу в Нем ни грядущего спасения, ни грозящего наказания — лишь бесконечное равнодушие, не обещающее ничего, кроме забвения. Но как жажду я этого! Слиться с землей, чтобы даже сей всевидящий взгляд не смог меня отыскать... И все же ребенок внутри меня плачет в темноте, а мое бедное разбитое тело умоляет продлить срок... Еще чуть-чуть, еще одна сказка, еще одна игра.

И черный ангел оставляет свою косу у двери и садится рядом со мной для последней партии в карты.

Я не должен писать после заката. Ночные слова лживы и тревожны, однако именно ночью власть слов сильнее всего. По ночам Шехерезада плела свою тысячу и одну сказку, и каждая — дверь, в которую она ускользает снова и снова, а Смерть преследует ее по пятам, как голодный волк. Она знала власть слов. Если бы я не перестал искать идеальную женщину, мне следовало бы отправиться на поиски Шехерезады, высокой и тоненькой, с кожей цвета китайского чая. Ее глаза как ночь, она идет босиком, надменная язычница, не обремененная моралью и скромностью. И она коварна. Вновь и вновь она играет со смертью и выигрывает и меня-

¹Исход, 3, 14. — Здесь и далее примечания редактора.

ет обличье, и каждую ночь ее жестокий муж-людоед видит новую Шехерезаду, которая утром ускользает прочь. Каждое утро он просыпается и смотрит на нее в свете солнца, тихую и бледную после ночных трудов, и клянется, что больше его не проведут. Но едва опускаются сумерки, она снова плетет паутину своих фантазий, и он думает: «Еще один раз»...

В эту ночь Шехерезадой буду я.

Отшельник¹

1

Не смотрите на меня так — это невыносимо! Вы думаете, как сильно я изменился. На картине вы видите молодого человека, у него чистый бледный лоб, темные кудри, спокойные глаза. И вы спрашиваете себя: неужели он — это я? Надменно выпяченная челюсть, высокие скулы, длинные тонкие пальцы будто намекают на таинственных экзотических предков, хотя потомок, несомненно, англичанин. Таким я был в тридцать девять — смотрите внимательно и запоминайте... Я мог бы быть кем-то из вас.

Мой отец был сельским священником в Оксфорде, мать — дочерью богатого оксфордширского землевладельца. Детство мое шло в беззаботном идиллическом уединении. Я помню, как пел в церковном хоре по воскресеньям, и цветной свет дождем из лепестков лился сквозь витражи на белые одежды хористов...

Черный ангел — она, кажется, слегка шевельнулась, и в ее глазах мне чудится взгляд безжалостного, всепонимающего Бога. Не время теперь тосковать по несущ-

¹Карта Таро, в правильном положении означающая мудрость, рассудительность, опыт; в перевернутом — тоску, одиночество, символизирует необдуманные поступки.

ществующему прошлому, Генри Пол Честер. Он ждет от тебя правды, а не вымысла. Бога хочешь одурачить?

Как нелепо, что меня до сих пор тянет обманывать. Меня, жившего только во лжи больше сорока лет. Правда — горькая настойка, как не хочется откупоривать ее в эту последнюю встречу. И все же я есмь сущий. Я впервые осмелился присвоить Божьи слова. Это не приукрашенная байка. Таков Генри Честер. Судите меня, если хотите. Я есть тот, кто есть.

Не было, разумеется, никакого идиллического детства. Ранних лет в памяти не осталось, воспоминания начинаются лет с семи-восьми — гнусные, беспокойные воспоминания. Уже тогда я чувствовал, что внутри меня растет змий. Я не помню времени, когда бы не осознавал свою вину, свой грех — его не спрятать и под белейшими покровами. Он рождал во мне нечистые помыслы, он побуждал меня смеяться в церкви, он заставлял врать отцу, держа пальцы накрест, чтобы ложь «не считалась».

На стене каждой комнаты в нашем доме были стихи из Библии, вышитые моей матерью. Я и сейчас помню их, особенно тот, из моей комнаты, что так отчетливо выделялся на белой стене против кровати: «Я ЕСМЬ СУЩИЙ». Шли годы моего отрочества, лето сменяло весну, а осень — лето. Я смотрел на эту строчку и в минуты покоя, и в минуты одиноких раздумий о своих пороках и иногда, во сне, взывал к жестокому, безразличному Богу. Но ответ всегда был один, он вышит вечными стежками в закоулках моей памяти: «Я ЕСМЬ СУЩИЙ».

Мой отец был божьим человеком, но пугал меня даже больше, чем сам Бог. Его пронизательные черные глаза могли заглянуть в тайные уголки моей преступной души. Он судил так же безжалостно и бесстрастно, как Господь, он был незапятнан человеческой добротой.